

Н. С. Лесков. Томление духа

(Из отроческих воспоминаний)

Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 т.
М., Правда, 1989;
Том 12, с. 392-399.
OCR: sad369 (г. Омск)

"Всё это томление духа".

Екклезиаст

В числе людей, которые принимали участие в моём воспитании, был длинный и тощий немец Иван Яковлевич, по прозванию Коза. Настоящей его фамилии я не знаю, - он своею наружностью напоминал козу, и все мы звали его заочно Козю.

Это было в деревне, в Орловской губернии, у моих богатых родственников. Я у них рос и воспитывался, пока меня отдали в школу, в город. Для нас в деревне было несколько учителей: русский - Иван Степанович Птицын с женою, жил во флигеле, и француз, мосье Люи, тоже с женою и сыном Альвином, который учился вместе с нами. Эти тоже жили в особом флигеле, и ещё был немец Кольберг, одинокий, часто пьяный и драчливый. Он так часто ссорился с прислугою, что надоел дяде и был внезапно расчислан: тогда на его место был взят Коза, который ранее этого жил уже в нескольких помещичьих домах в околоте, но нигде долго не уживался. Говорили, что он человек очень смирный и хороший, но "с фантазиями". Его к нам и приняли с таким уговором, чтобы жил с нами и учил нас по-немецки, но никаких своих фантазий не смел бы показывать.

Он взялся это исполнять, и месяца три исполнял очень хорошо, но потом вдруг не выдержал и показал такую фантазию, как будто и не давал никакого заработка.

Летом раз заехала к дяде, по дороге в своё имение, губернаторша с сыном, мальчиком лет одиннадцати, очень избалованным и непослушным. Мы пошли в фруктовый сад, и там этот гость оборвал какую-то редкостную сливу, плоды которой были у дяди на счету. Мы испугались его поступка и дали себе клятву во всём заператься и ничего не рассказывать. Дядя вечером пошёл в сад и увидел, что слива оборвана. Он рассердился, позвал садовникова сына, мальчика Костю, и стал его спрашивать: кто оборвал сливу? Костя не знал, и на него упало подозрение, что эту сливу оборвал он и теперь запирается. Его за это велели высечь крыжовником, а он испугался и сказал, что будто в самом деле он съел сливы. Тогда его всё-таки высекли. А мы знали, кто оборвал, но ничего не говорили, чтобы не нарушать клятву и не пристыдить своего гостя, но к вечеру некоторых из нас это стало невыносимо мучить, и когда мы начали укладываться спать, то я не стерпел и сказал Ивану Яковлевичу, что Костю наказали напрасно, - что он не вор, а вор вот кто, а мы все дали клятву его скрыть.

Иван Яковлевич вдруг побледнел и вскрикнул:

- Как клятву! Как вы смели клясться? Разве вы не христиане! Кто вам позволил чем-нибудь клясться? Видите, сколько от этого зла вышло, и теперь я уйду от вас.

Мы ещё больше встревожились и стали его упрашивать, но он твердил:

- Нет, я уйду, я непременно уйду, и не сам уйду, а меня выгонят, и это будет хорошо... Это будет к лучшему.

Так всё говорил, а сам плакал и потом вдруг приложил лоб к оконному стеклу, вздохнул и побежал из комнаты.

Куда и зачем побежал - мы не могли догадаться и долго ждали его возвращения, но потом так и уснули, не дождавшись, чтоб он назад пришёл; а утром, когда старая девушка Василиса Матвеевна принесла нам свежее бельё, мы узнали, что Иван Яковлевич к нам и совсем не воротится, потому что он сошёл с ума.

- Боже мой!.. - Мы так и обомлели... - Бедный, добрый Иван Яковлевич сошёл с ума!.. Это всё мы виноваты. Но что же он такое сделал?

- А он явился в бесчеловечном виде к господам и сделал фантазию, и ему